

Следуя принципу «раз дают бесплатно — надо есть», Ци Гу немедленно взял палочки и принялся с аппетитом за еду. С каждым куском его взгляд на ласку становился всё мягче.

— Если бы у «Рататутя» была отечественная версия, называлась бы она «Ласка-повар».

Ласка нерешительно начала:

— Я... мы с папой придумали кое-что. Не знаем, получится ли. Мастер, можете послушать и подсказать?

Она нервно потёрла лапы друг о друга.

— Вы все хвалили кур, которых выращивает папа, за хорошее мясо, и курицу, которую готовлю я, — за вкус. Мы подумали: может, пусть жители всей деревни разводят кур, а я открою магазин куриных блюд и буду отвечать за вкус? Как считаете, это реально?

Ласка прожила столько лет, а самым серьёзным делом в её жизни до сих пор было притворяться невесткой старосты и бесплатно есть у него дома. Поэтому сейчас она действительно нервничала.

К слову, звать старосту «папой» она уже настолько привыкла, что даже перестала себя исправлять.

Ци Гу задумался:

— В бизнесе я разбираюсь слабо. Вам лучше спросить Фан Хэна. Но если говорить именно о вкусе — никаких проблем. Идеально.

Похвала Ци Гу мгновенно воодушевила ласку.

— Я прямо сейчас его спрошу!

Она завертела короткими лапами и убежала в комнату к Фан Хэну, который всё ещё оставался рядом с Фан Юаньваном.

Фан Хэн объяснил ей, как работает птицеферма, сеть заведений с жареной курицей и где там зарабатывают деньги. Ласка непрерывно кивала, готовая прямо на месте приготовить для него сто восемь блюд из курицы в благодарность.

Спустя некоторое время Фан Хэн инвестировал в птицеферму Хуайшуй. У деревни появилась полноценная база: жители вместе выращивали мясных кур по методу старосты, а доход

распределяли с учётом числа отработанных дней.

Часть птицы продавали в розницу, часть отправляли в фирменные магазины куриных блюд, где ласка отвечала за рецептуру и вкус, но сама к продуктам не прикасалась. Когда зрители «Тайн потустороннего» узнали о заведениях, спрос взлетел: люди наперегонки покупали продукцию.

Ласка не готовила лично только потому, что опасалась: покупателям может не понравиться, что она дикое животное и потенциально переносит микробы. Если из-за этого возникнет спор, ничего хорошего не выйдет.

В день первой годовщины работы птицефермы и магазинов даже самый маленький годовой дивиденд для деревенской семьи составил 40 000 юаней. В каждом доме развесили праздничные украшения, а на Новый год жители впервые смогли накрыть столы заметно богаче прежнего.

В канун Нового года староста Сюй вместе с лаской принёс в затопленную низину бухгалтерские книги фермы и корзину хорошей еды и вина.

Он снова и снова показывал счета прежнему старосте и баньяну, рассказывая, что жизнь в деревне понемногу налаживается.

Староста Сюй и его отец посмотрели друг на друга и улыбнулись. Оба подняли чаши, и между отцом и сыном всё было понятно без слов. Ласка обхватила свою чашу лапами. А предназначенное баньяну вино просто вылили к корням дерева.

Купленные жителями яркие фейерверки взрывались в небе и рассыпались нитями, словно георгины.

Среди грохота петард прежний староста произнёс:

— Пусть жители Хуайшуй из года в год живут в достатке, мире и здоровье.

Три чаши звонко столкнулись.

А баньян в это время непрерывно кашлял, шелестя листьями, и слегка обиженно жаловался:

— Какие же вы, люди, странные. Зачем любить такую чудную штуку? Кхе-кхе-кхе!

Тем временем в настоящем, вскоре после того, как ласка закончила обсуждать бизнес, пальцы Фан Юаньвана дрогнули, и он очнулся.

Первым, кого он увидел, оказался Фан Хэн, сидевший у кровати. Отец состарился настолько, что никто бы не удивился, услышав, будто это его дед.

Воспоминания последних трёх лет нахлынули на Фан Юаньвана. Лицо стало тяжёлым, он не знал, что сказать, и в конце концов, как в детстве, просто бросился в объятия отца и заплакал.

Он плакал долго. Наконец выговорил:

— Прости, папа. Прости. Я не должен был заставлять тебя так волноваться. У тебя столько седых волос... Три года назад все волосы были чёрными...

Фан Хэн ласково гладил сына по голове и снова и снова повторял:

— Всё хорошо, малыш. Всё уже хорошо. Волосы поседели — покрасим обратно в чёрный. Всё в порядке. Мы с тобой столько лет не виделись. Когда вернёмся, уж будь добр, побудь подольше со своим стариком.

Выплакавшись, Фан Юаньван поднял глаза:

— Кстати, папа, я обещал Цзюаньцзюань, что помогу ей продолжить учёбу...

После соединения души это дело одним из первых вернулось ему в память.

— Не переживай. Папа всё устроит, — ответил Фан Хэн.

Съёмочная группа изначально собиралась уехать ещё утром, но, учитывая долгожданную встречу отца и сына, решила подождать, пока они немного придут в себя. Только после этого начали собирать оборудование и переносить к автобусу.

Жители сами пришли помогать. Дорогую технику перенесли всего за один заход и очень осторожно погрузили в автобус.

Гости и сотрудники по очереди заняли места. Автобус медленно тронулся и пополз по узкой дороге из Хуайшуй.

Но ещё очень долго в зеркале заднего вида оставались видны жители, махавшие им вслед.

Наконец после очередного поворота деревенские полностью исчезли из отражения.

Водитель перевёл взгляд на дорогу и именно в этот миг не заметил в зеркале женщину в белом платье.

Она всё время держалась за автобусом на некотором расстоянии, постепенно приближаясь. Наконец резко бросилась вперёд и повисла на крыше.

Так, покачиваясь вместе с автобусом, женщина добралась до самого аэропорта.

Когда сотрудники начали выгружать оборудование, она быстро спрыгнула с крыши, прошла мимо девушки с удостоверением личности в руке — и в следующую секунду документ оказался у неё.

Лицо женщины начало меняться, подстраиваясь под фотографию, пока не стало совершенно неотличимым.

В прекрасном настроении она достала билет до того же места, куда летел Фан Юаньван.

Она подумала: ещё одно прекрасное совпадение.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949093>